

Пролог

4 октября 1979 года, четверг.
Город С., час пятьдесят пять,
диспетчерская железнодорожной
станции Сортировочная

Железная дорога никогда не спит. Тем более не спит сортировочная станция, где магистральщики подходят к промышленному центру. Здесь всегда движение: формируют составы, пропускают транзитные поезда, отцепляют и прицепляют вагоны, проверяют их исправность, делают мелкий ремонт... И все это без остановки, днем и ночью. В соответствии с расписанием — священным заветом железной дороги.

Но на сортировочной станции работают живые люди. А люди ночью хотят спать. Особенно если предыдущей ночью раз пять приходилось вставать к температурающей младшей, а в полседьмого будить в школу старшую. Татьяна уже испробовала все проверенные средства. По щекам себя хлопала, уши натирала,

за бедра щипала. Крепкий чай булькал в горле и грозился излиться наружу. Пятый стакан как-никак. И все равно глаза предательски слипаются, голова опасно склоняется над пультом. Несколько раз она проваливалась в короткое забытие, после которого с трудом приходила в себя, не сразу понимая, где находится. А может, у нее тоже поднялась температура? Подхватила заразу от дочки? Зря вообще сегодня она вышла. Так и до беды недалеко. Можно было, конечно, взять бюллетень по уходу, но ночные смены оплачиваются в полуторном размере — немаловажное обстоятельство для матери-одиночки.

Татьяна яростно потеряла уши и посмотрела на часы, потом в окно, на ярко освещенную прожекторами рабочую зону. Через три минуты надо пропустить транзитный с углем. Затем подать на разгрузку вагоны с чем-то опасным. С чем именно, Татьяна не знала, в путевом листе было обозначено только: «Опасный груз, особый контроль». Вагоны стояли на горке, закрепленные тормозными башмаками. Татьяна вдруг почувствовала непонятное беспокойство. Старший сигналист¹ Петрович сегодня не вышел, позвонил перед самой сменой, пожаловался, что радикулит разбил. Прислал вместо себя племянника. Заверил, что племянник грамотный, с опытом работы и в железнодорожном учится. Племянник оказался общительный, на вид толковый. Принес коробку конфет «Птичье молоко», Татьянины любимые. Обаятельно улыбался, шутил, говорил, что не раз сигнальником-башмачником под-

ПРОЛОГ

рабатывал. Татьяна его до работы допустила. Не положено, конечно, но что делать? Где она поздним вечером надежного сигналиста найдет? Помощники у Петровича — пьянь горькая, что один, что второй. Старшим из них никого не поставишь, точно что-нибудь напутают. Поэтому и закрыла Татьяна глаза на подмену. Теперь жалеет. Надо было начальника смены в известность поставить.

Она снова посмотрела в окно. Вот и транзитный с углем. Не торопится, соблюдает скоростной режим. Господи, что это?! Наперерез товарняку катятся те самые опасные вагоны. Татьяну бросило в холодный пот, сонливость как рукой сняло, но сделать она уже ничего не могла. Как в замедленной съемке она видела набирающие ход вагоны. Длинный товарняк не успеет пройти. Только одна мысль крутилась в голове: неужели она дала команду убрать башмаки? Татьяна видела, как бегут к вагонам помощники Петровича, те самые пьяницы, тащат восьмикилограммовые башмаки в каждой руке. Почему-то племянника с ними нет. Да какая разница? Башмаками не останутся. Состав уже набрал ход. Срывая голос, Татьяна кричала по громкой связи, вызывая маневровый тепловоз, приказывая, прося, умоляя догнать и прицепиться к опасным вагонам. Наконец маневровый показался на горке и, набирая ход, покатился вслед за убегающим составом. Но до него далеко, слишком далеко, не успеет...

ЧАСТЬ I

Дебют

Задача дебюта состоит в наилучшей мобилизации сил для предстоящей борьбы. Для этого в первую очередь развиваются легкие фигуры. Не следует торопиться с выведением наиболее ценных фигур на середину доски, где они легко подвергаются ударам.

Макс Эйве «Учебник шахматной игры»

Глава 1

До ночного затишья седьмая бригада выезжала девять раз: четыре тяжелых инсульта, два гипертонических криза, две автомобильные аварии. Поздно вечером они отвезли в травму «парашютиста» — подвыпивший мужчина улетел с балкона пятого этажа. Был бы трезвый, разбился бы насмерть, а так «всего лишь» перелом таза и сотрясение. Вернулись на подстанцию около двенадцати ночи. Как правило, с полуночи до четырех утра вызовов мало. Город засыпал, засыпали и болезни. В пятом часу болезни просыпались, и начиналась обычная утренняя круговерть: гипертонические кризы, приступы астмы, инсульты, инфаркты...

Вернувшись, Андрей с Оксаной в комнаты отдыха не пошли. Пили на кухне чай, болтали о всяких пустяках, целовались, когда никого не было.

Около двух часов за окнами громынуло, здание подстанции содрогнулось. Для грозы не сезон: начало октября. Тревожно переглянулись, и доктор Тюленин из реанимации предположил, что начались

ночные стрельбы на танковом полигоне. «Вроде в другой стороне взорвалось, в железнодорожном районе», — усомнился кто-то из линейных бригад. Когда через несколько минут по селектору прозвучало распоряжение: «Всем срочно подойти к диспетчерской», — никто не удивился.

В холле стоял старший дежурный врач Соколов Григорий Павлович, мрачный, взъерошенный, в расстегнутом халате, с бланком вызова в руке. Дождавшись, пока все соберутся, без лишних слов объявил:

— Авария на станции Сортировочная: состав с чем-то взрывающимся столкнулся с другим поездом. Разрушен поселок железнодорожников. Количество пострадавших неизвестно. Еще какая-то химическая гадость разлилась. Получить респираторы, дополнительный комплект обезболивающих и перевязочных средств. Работать в перчатках. На месте будет создан штаб спасательной операции, указания получите по рации. Все, вперед.

Оксана побежала в «заправочную» за допкомплект. Вернулась возбужденная, глаза светятся.

— Как здорово, что я сегодня смену взяла! Настоящая катастрофа!

Сергеев вздохнул, подхватил тяжелый железный ящик, направился к машине.

«Совсем девчонка еще, чему тут радоваться?»

Ничего хорошего от этого десятого вызова он не ждал...

«Рафики» центральной подстанции шли колонной. На параллельных улицах мерцали синие маяч-

ки — спешили пожарные, милиция, бригады с других подстанций. Было темно, в окнах домов горел свет. Большинство стекол выбито, вдоль дороги стоят испуганные люди, кто в чем: видно, что выбегали в панике, хватали детей и что под руку попадется. Колонну то и дело останавливали, просили оказать помощь. В основном неглубокие резаные раны от осколков. Но были и серьезные повреждения: кровотечения из крупных сосудов, множественные переломы, тяжелые черепно-мозговые травмы. Бригады по одной отставали, собирали по несколько пострадавших, перевязывали, фиксировали, кололи обезболивающие и везли в больницы.

Район аварии был виден издалека. В ночное небо поднимался столб черного дыма, освещенный языками пламени. На дороге валялись разлетевшиеся при взрыве железнодорожные сцепки, колесные пары, исковерканные части вагонов. Чем ближе к станции, тем сильнее были разрушения. Деревянные жилые дома разметало на бревна. Некоторые горели. Каменные выглядели как после бомбежки. Здесь электричества уже не было, не работали уличные фонари, оконные проемы темнели черными дырами.

Движение серьезно замедлилось: объезжали завалы, местами приходилось выходить и расчищать дорогу. Навстречу проползли четыре «Скорые» — первыми прибывшие бригады с железнодорожной подстанции вывозили раненых. Вскоре колонна окончательно остановилась. Дорогу преграждали

бронетранспортер с навесным отвалом-щитом, как у бульдозера, несколько пожарных машин и милицейский «газик». В воздухе стоял запах гари и какой-то химии, от которой слезились глаза и першило в горле. Сверху падали хлопья сажи. Медики нацепили респираторы. Впереди в тревожном свете пожаров мелькали тени, рычали моторы, слышались крики людей. Картина напоминала эпизод из кинофильма «Экипаж», который Сергеев с Оксаной недавно смотрели: все горит и рушится. Только сейчас это происходило не на экране. Командовал майор с эмблемой железнодорожных войск, с воспаленными глазами, без фуражки. Сорванным голосом майор прохрипел порядок действий. В очаг выдвигаться нельзя, возможны новые взрывы. И смысла нет, там никого не собрать. В близлежащих завалах могут быть живые. Первыми идут военные железнодорожники. За ними пожарные расчеты и милиция. Медики в третьем эшелоне. Дороги расчищает тяжелая техника. Там, где не проехать, идти пешком. Слушать команды военных и пожарных. При малейшей угрозе немедленно эвакуироваться. Глупого героизма не проявлять.

«Рафик», детище рижской автобусной фабрики, не приспособлен для преодоления полосы препятствий. Не то что пожарный «Урал» на высоких колесах. Встали, не проехав и двухсот метров. Взяли ящик с лекарствами, мешок Амбу² для реанимации, дополнительный перевязочный набор, носилки — и пересели к пожарным.

Одноэтажное кирпичное здание, где обнаружили пострадавших, было наполовину разрушено. Одна стена практически отсутствовала, часть перекрытий обвалилась, другие держались на честном слове. Вслед за командиром пожарного расчета вошли, стараясь не приближаться к покосившимся стенам и опасно поглядывая наверх. Просторное помещение заставлено покореженными станками — видимо, до катастрофы здесь было какое-то производство.

— Давайте быстрее, по моей команде бегом наружу, — сказал пожарный, освещая дорогу мощным фонарем. — Сюда, здесь они.

Протиснувшись между сорванными с места станками, Андрей с Оксаной подошли к стене, оказавшейся внутренней перегородкой, почти не пригибаясь пролезли через пролом в кирпичной кладке и попали в небольшую комнату. Вернее, в то, что от комнаты осталось. Очевидно, здесь была бухгалтерия. Чудом устоявший шкаф забит бумагами и папками. Канцелярские столы повалены. На полу, среди обломков кирпичей и стекол, бухгалтерские счета, письменные приборы, арифмометр «Феликс»³. Пострадавших трое, две женщины и мужчина.

— Здесь еще более-менее. Там, — пожарный махнул рукой в сторону обвалившихся перекрытий, — вообще кошмар, лучше не видеть.

— Посветите! — попросил Андрей.

Быстро проверил пульсацию на сонных артериях — женщины мертвы. У одной, судя по положению головы, перелом позвоночника в шейном от-

деле. У второй множественные порезы, из ран торчат осколки стекол, под телом большая лужа крови. Мужчина, молодой, около тридцати, без сознания, лежит на боку, руки прижаты к груди, прерывисто дышит, в области затылка большая скальпированная рана. Скорее всего, проникающая. Пульс частый, нитевидный, мышцы живота напряжены. Возможна травма внутренних органов с кровотечением.

— Оксана, систему с полиглюкином и дексаметазоном, я обработаю рану.

— Хорошо, доктор.

Оксана открыла железный ящик с красным крестом, начала готовить систему. Андрей занялся раной, которая действительно оказалась проникающей: сквозь раздробленные кости черепа видна синюшная твердая мозговая оболочка.

— Андрей, помоги!

Оксана пыталась разогнуть руку пациента, чтобы поставить катетер. Сергеев закрыл рану на голове стерильной салфеткой, взялся за руку, с трудом оторвал от груди, выпрямил. Только теперь обратил внимание на толстую зеленую тетрадь в твердой обложке. По-видимому, очень ценную для раненого. Именно ее мужчина судорожно прижимал к груди — похоже, боялся потерять.

Манипуляции с рукой как будто лишили раненого последних сил. Он захрипел, дернулся и затих. Дыхание остановилось, пульса не было. В соседнем помещении что-то обрушилось, по стене комнаты поползла трещина.

— Быстро уходим, сейчас обвалится! — Андрей услышал взволнованный голос командира расчета.

Подхватив медицинский ящик, Сергеев взял за руку Оксану, бросился вместе с ней вслед за пожарным. Они выскочили и успели отбежать на несколько метров, когда стены здания с грохотом сложились, подняв клубы пыли.

Тяжело отдышались. Девушка дрожала, испуганно прижимаясь к Андрею.

— Я там банку с полиглюкином оставила, — пожаловалась она.

— Не бери в голову, — успокоил ее Андрей. — Ты молодец!

Нежно обнял, поцеловал в щеку. Щека была мокрая. Оксана сжимала в руках какой-то предмет. В утренних сумерках Андрей не сразу понял, что это. А когда понял, удивился.

— Зачем ты ее взяла?

Оксана недоуменно разглядывала зеленую тетрадь.

— Андрей, не знаю, я честно не хотела, наверное, машинально подняла, а потом мы побежали...

За четыре месяца до взрыва
на станции Сортировочная.
Москва, микрорайон
Северное Чертаново

Квартиру установили случайно. Соседи вызвали участкового, чтобы утихомирить пьяницу-дебошира. В подъезде участковый капитан Мишин стол-

кнулся с женщиной, очень похожим на сбежавшего из мест заключения вора, фотография которого давно украшала «доску почета» райотдела. Мишин, молодец, задерживать гражданина не стал, аккуратно проследил, в какую квартиру тот зашел. В двадцать вторую, причем дверь по-хозяйски открыл своим ключом.

Призвав к порядку отмечавшего получку дебошира, Мишин расспросил соседей про квартиру двадцать два и ее жильца. Выяснил, что проживающая там Семеновна, по паспорту Дягилева Анна Семеновна, пенсионерка, как всегда ранней весной уехала на дачу, где теперь и проживает. В квартиру поселила якобы родственника. Только никакой это не родственник, а очень подозрительный тип, который ни с кем не здоровается, а сталкиваясь на лестничной площадке с жильцами, отворачивается, как будто лицо прячет. Кстати, в райотдел родственник не обращался, чтобы оформить временную прописку, как по закону положено.

Вернувшись в отдел, капитан Мишин доложил о подозрительном гражданине начальнику. Тем же вечером квартира была взята под наблюдение сотрудниками уголовного розыска. В ходе наблюдения установлено, что подозрительный гражданин не кто иной, как сбежавший при этапировании вор-рецидивист Седых Григорий Матвеевич, псевдоним Седой, специализирующийся на квартирных кражах у известных деятелей советской культуры и искусства. Решено было Седого временно не задерживать,